

Е. Т. Соколова, А. Р. Коршунова

АФФЕКТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОТНОШЕНИЙ Я—ДРУГОЙ У ЛИЦ С СУИЦИДАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Предметом публикации является обсуждение вопроса о соотношении аффективных и когнитивных факторов личностного стиля, детерминирующих способность субъекта к поддержанию связанных, целостных и обобщенных репрезентаций о социальном взаимодействии, а также о специфике нарушения этой способности у лиц с аффективной патологией, расстройствами личности и сопутствующим суицидальным поведением. Представлен анализ ведущих теоретических подходов, разработан экспериментальная схема, изложены результаты экспериментального исследования двух групп пациентов с депрессивными расстройствами с повторными суицидальными попытками и без них (всего 100 человек), которые подтверждают связь структурно-функциональной организации, эмоционально-мотивационного наполнения и тематического содержания объектных репрезентаций с аффективно-когнитивным стилем личности по параметрам дифференциация/интеграция, зависимость/автономия, враждебность/сотрудничество. Они позволяют также уточнить вклад специфического нарушения когнитивного и символического опосредствования в снижение эффективности защитных и копинговых систем саморегуляции.

Ключевые слова: суицидальное поведение, расстройство личности, аффективно-когнитивный стиль, репрезентативный паттерн объектных отношений, проективные методы.

В современной социальной и клинической психологии общепризнанна роль нарушения эмоциональных отношений в формировании психопатологии; изучается их связь с процессами социального познания, способностью человека в зрелом возрасте избирательно создавать и длительно поддерживать доверительные отношения с близкими людьми, вступать в отношения ответственного и равноправного сотрудничества. Менее исследована роль индивидуальной аффективно-когнитивной организации в переработке травматического инфантильного опыта. Между тем стиль личности как устойчивый индивидуальный паттерн познавательных predisпозиций и схем, механизмов аффективной регуляции

и конфигураций отношения к себе и значимым другим детерминирует склонность ориентироваться на сложившуюся систему эталонов в новых, трудных, неопределенных или кризисных ситуациях. Если субъект не способен придать осмысленность и эмоциональную насыщенность этим жизненным обстоятельствам и воспринимает их исключительно как фактор тревоги, как неопределенность, превышающую его возможность совладания с ней или представляющую угрозу устоявшейся и связной картины мира, целостности самоидентичности, его «ответом» вызову окружения или внутреннему конфликту, скорее всего, станет воспроизведение ранее сложившегося стереотипа психического реагирования. Неординарные ситуации, особенно те, в которых человеку открывается смысл и конечность жизни, ставится под сомнение правильность избранного пути, преданность близких или ценность его личности, способны заставить работать творческий потенциал Я, равно как и вызвать столь мощное «внутреннее землетрясение», что единственным выходом может показаться суицид. Для клинического психолога важно точно опознавать симптомы «безвыходности», оценивать суицидальный риск находящегося в депрессии пациента, понимать, на какую систему представлений о человеческих отношениях он явно или неявно опирается, в какой мере они являются «рудиментами» его прошлого и определяют (иногда ошибочно) его ориентацию в настоящем, каков ресурс его способности справиться с трудностями путем их рациональной переработки.

Из сказанного ясен наш интерес к исследованию тех стереотипных представлений о себе и межличностных отношениях, которые существуют в душевном, ментальном, в широком смысле слова, мире человека, переживающего неопределенность, жизненный кризис, когда, как к своей «единственной» опоре, он обращается к хранящемуся в бессознательной памяти репрезентационному опыту отношений с первыми близкими ему людьми. Эти родительские послания из далекой страны детства — зыбкие, неадекватные, неполные, порой фантастические, иногда остро эмоциональные и прозорливо точные — могут служить утешением, руководством к действию (как помочи для начинающего ходить малыша), но могут и постоянно подтачивать уверенность в себе, склонять к беспомощности и импульсивным, опасным решениям.

В современной психологии проблема происхождения «наивного» знания о человеческих отношениях ставится как проблема генеза, внутренней организации и функционирования устойчивых систем ментальных репрезентаций детско-родительских, «объектных» отношений, их детерминации как со стороны аффективных факторов (к которым традиционно относят всю мотивационную систему, ценности, собственно аффективные состояния), так и со стороны когнитивных процессов, среди которых выделяют индивидуальные познавательные способности и вербальные средства конструирования картины межличностного взаимодействия. Предполагается также, что последовательная, целостная и непротиворе-

чивая картина мира может развиваться в детском возрасте и, стабильно функционируя, защищать в дальнейшем от превратностей судьбы только благодаря отзывчивому отношению заботящегося о ребенке взрослого, т.е. внутри отношений безопасной привязанности. Таким образом, ранние отношения между ребенком и взрослым обеспечивают аффилиативную, подпитывающе-созидательную или «токсичную», инвалидирующе-разрушающую среду, в которой формируются все психические функции, в том числе регуляторные системы, когнитивные способности, язык и символические средства переработки «невыносимого» аффективного состояния. Приобретенные в детстве «рабочие модели привязанности» или «репрезентативные модели объектных отношений» (вариативность терминов диктуется рамками соответствующих теорий) ответственны за бессознательную диспозиционную готовность к специфической организации актуальных взаимодействий и оказывают влияние на аффективную окрашенность («тональность») их восприятия. Абстрагируясь от конкретных терминологических различий, здесь можно легко опознать традиционные проблемы психологической науки. Речь, конечно же, идет о социальных детерминантах развития, о роли общения и *приобщения* ребенка к культуре человеческих отношений, о социализации и ее психологических механизмах, а также о влиянии прошлого опыта и об индивидуально присвоенной системе эталонов, на которую ориентируется субъект как на «фрейм», выстраивая текущие жизненные отношения и принимая решения действовать определенным образом.

Для отечественной психологии идея развивающей функции социального взаимодействия далеко не нова, однако становлению и нарушению познавательных процессов в контексте общения ребенка с родителями уделялось значительно больше внимания, чем развитию его эмоциональной жизни и его самоидентичности. Приоритет в этой области принадлежит психоаналитически ориентированным исследованиям, сосредоточенным на вкладе эмоционального компонента отношений мать—ребенок в нормальное или искаженное развитие, в понимание той роли, которую играет их деструктивное воздействие в истории формирования познавательных навыков, отношения к себе и значимому окружению, в развитии психических расстройств и саморазрушительного, «суицидального» стиля жизни.

Наш непосредственный интерес состоит в исследовании аффективно-когнитивного стиля репрезентаций объектных отношений в клинике пограничных личностных расстройств, которые характеризуются нарушениями самоидентичности, саморегуляции и межличностных отношений, а также связаны с травматическим опытом взаимодействия со значимым другим в раннем детстве (Соколова, 1995; Соколова, Бурлакова, Лэонтиу, 2001, 2002; Соколова, Ильина, 2000; Соколова, Чечельницкая, 2001; Beautrais, Joyce, Mulder, 1999; Gunderson, 1996). В этом же контексте нами изучаются факторы генеза и предиспозиционные фак-

торы суицидального поведения, а также методы суицидальной превенции (Соколова, Сотникова, 2006 а, б; Fine, Sansone, 1990). Многократные попытки суицида традиционно рассматриваются в качестве одного из диагностических критериев пограничного личностного расстройства (Каплан, Сэдок, 1998; Gunderson, 2001; Kernberg, 1993). Однако механизмы возникновения суицида, его взаимосвязь со структурными характеристиками личности, с особенностями межличностных отношений и способами их ментальной репрезентации недостаточно изучены (Grossman, 1992). Между тем нарушения межличностных отношений, в том числе сужение интерперсональных контактов, искажение представлений о себе и других, чувство отверженности, отчужденности, отсутствия любви окружающих, трудности установления стабильных эмоциональных связей и доверительных отношений (Амбрумова, Тихоненко, 1978; Blais, Hilsenroth, 1997; Kaslow et al., 1998; Kjellander, Bonar, King, 1998), а также высокая значимость эмоционального опыта потери (Adam, Sheldon-Keller, West, 1996; Kaslow et al., 1998), как мы полагаем, отражают особую структуру интрапсихической репрезентации эмоциональных связей у суицидентов, обусловленную стереотипным повторением репрезентации травматического инфантильного опыта.

Феномен суицида понимается нами в широком контексте пограничной и нарциссической личностной патологии со свойственным ей саморазрушительным («садомазохистским») паттерном отношений и их интрапсихическими репрезентациями (Соколова, 1995, 2003; Соколова, Ильина, 2000; Соколова, Сотникова, 2006 а, б; Соколова, Чечельницкая, 2001; Fowler, Hilsenroth, Piers, 2001; Gunderson, 2001; Kernberg, 1993, 2001; Stone, 1993). Психологические закономерности, определяющие формирование структур, схем, аффективно-когнитивных стилей представления о межличностных отношениях (*о себе и другом* в них), которые в качестве некоего установочного механизма осуществляют селективные функции, а также прогноз и контроль социальной активности субъекта, находятся в центре внимания многих зарубежных и отечественных исследователей (Соколова, 1976, 1989, 1995; Соколова, Бурлакова, Лэонти, 2001, 2002; Соколова, Ильина, 2000; Фонаги, 2002; Blatt, 1995; Blatt, Auerbach, Levy, 1997; Horowitz, 1994; Luborsky, Crits-Christoph, Mellon, 1986; Psychodynamic Treatment..., 1993). В зависимости от теоретической и методологической ориентации авторы акцентируют различные аспекты изучения межличностных отношений и способов их интрапсихической репрезентации, что обуславливает множественность используемой терминологии. Исследуется влияние опыта ранних детско-родительских отношений на формирование репрезентаций *я, другого* и эмоциональных отношений, называемых в одних теориях «отношениями привязанности», в других — «объектными отношениями» (Боулби, 2003; Винникотт, 2000, 2002; Кернберг, 1998, 2000; Кляйн, 1997; Bowlby, 1998). Изучается связь представлений о социальном взаимодействии с уровнями раз-

вития когнитивных процессов, социальной перцепции и познания, анализируется влияние мотивации и когнитивного стиля на адекватность и точность социального познания (Первин, 2000; Соколова, 1976, 1989, 1995 и др.); выделяются устойчивые конфигурации репрезентаций межличностных отношений, соотносимые со структурной организацией личности, типом личностных расстройств (Соколова, Чечельницкая, 2001; Levy, Blatt, Shaver, 1998; Westen, 1990). Структурные, содержательные и эмоциональные характеристики репрезентации отношений с родительскими фигурами («объектные репрезентации») сопоставляются с типом привязанности, типом романтических отношений, стилем взаимодействия с другими людьми в зрелом возрасте, эффективностью психотерапии (Allen, Land, 1999; Bartholomew, Horowitz, 1991; Simpson, 1990). Изучаются влияние разлуки, эмоциональной депривации, утраты значимого другого, психологического и физического насилия на формирование широкого спектра эмоциональных, когнитивных и личностных нарушений, а также сопутствующего им аутодеструктивного поведения и самоотношения (Соколова, 1989, 1995, 2000, 2003; Соколова, Ильина, 2000; Adam, Sheldon-Keller, West, 1996; Blatt, Auerbach, Levy, 1997). Среди факторов, определяющих толерантность к потере, называют уровень развития символического мышления и опыт положительной эмоциональной связи (Gunderson, 1996); стили привязанности — надежный, избегающий и амбивалентный (Бардышевская, 1995; Ainsworth, 1979), которая понимается в качестве обобщенной «рабочей модели» доверительных отношений, способствующих или препятствующих переработке эмоционального опыта потери (Bion, 1967; Fonagy, 2000; Main, 1991).

Разнообразие терминологии, используемой для обозначения различных аспектов межличностных отношений («объектные отношения», «коммуникация», «привязанность» и т.д.), а также для обозначения интрапсихических представлений об этих отношениях («ментальная репрезентация», «образ», «представление», «ментализация», «внутренняя рабочая модель», «аффективно-когнитивная схема»), отражает трудности интеграции различных концепций в единую теорию. Самостоятельной исследовательской задачей становится нахождение психологической категории («единицы анализа»), интегрирующей в себе как аффективно-чувственные и оценочные характеристики отношений, так и когнитивно-символические способы переработки опыта эмоциональных связей (Blatt, 1995; Blatt, Auerbach, Levy, 1997). Такой психологической категорией для нас является аффективно-когнитивный личностный стиль, причем как в его узкой, поддающейся операционализации, трактовке, так и в самом широком гуманитарном значении (Соколова, 1989, 1995; Соколова, Булакова, Леонтиу, 2001, 2002; Соколова, Ильина, 2000; Соколова, Сотникова, 2006 а, б).

Теоретический конструкт «модель репрезентации объектных отношений» определяется нами как конфигурация стилевых аффективно-

когнитивных структур, в которых запечатлены сложившиеся в истории жизни и ставшие стереотипами индивидуально-личностные паттерны межличностных отношений, а также способы категоризации, организации и переработки опыта социального взаимодействия и ранних эмоциональных связей. Данные представления основаны на разрабатываемых в отечественной психологии идеях социального генеза самосознания, согласно которым самосознание представляет собой диалогическую структуру. Мы предлагаем различать типы эмоциональных связей, одни из которых включают в себя базовые, первичные отношения, где *другой* выступает в качестве относительно «безликой субстанции», призванной удовлетворять потребности физического и психологического выживания; более зрелые отношения привязанности и сотрудничества исходят из признания индивидуальности и автономности *значимого другого*, это отношения, стабильные во времени и относительно независимые от опыта ситуативных фрустраций или удовлетворений.

Мы полагаем, что индивидуально-стилевые особенности ставших стереотипами репрезентации отношений оказывают существенное влияние на характер актуальной коммуникации, определяя (иногда искажая) социальную перцепцию и образ *я*. Они задают также механизмы переработки опыта фрустрации в межличностных отношениях, включая эмоциональный опыт потери *значимого другого* и опыт жизненных неудач, подвергающий сомнению устойчивость самоуважения. При этом структурные и содержательные характеристики репрезентации отношений связаны между собой и определяются аффективно-когнитивным стилем личности, под которым понимается индивидуальная конфигурация аффективных и познавательных процессов, включающая в себя способы познания, имеющие различную степень эмоциональной пристрастности, и интра- и интерпсихические механизмы регуляции аффективных состояний, отличающиеся уровнем психологической дифференциации/интеграции и степенью зависимости/автономии. Таким образом, можно говорить об аффективно-когнитивном стиле репрезентаций отношений *я—другой*, т.е. об индивидуальной системе представлений о человеческих отношениях, системе их категоризации и регуляции, с разным уровнем когнитивной сложности, символической опосредованности и эмоциональной пристрастности. Предлагаемый теоретический ракурс позволяет рассматривать их не только как отражение прошлого опыта эмоциональных связей, но и как своеобразную рабочую модель *конструирования* нового опыта общения, регулирующую его интериоризацию и задающую алгоритмы переработки травматических состояний в настоящем и будущем, что в конечном итоге будет определять уровень толерантности к фрустрации в межличностных отношениях. Такие способы аффективно-когнитивной репрезентации межличностного взаимодействия активируются прежде всего при разрыве эмоциональных связей, сепарации или потере *значимого другого* и определяют генерализо-

ванный способ переработки травматического эмоционального опыта потери. Толерантность к эмоциональному опыту потери будет определяться индивидуальной конфигурацией всего комплекса переживаний, фантазий, аффектов, представлений о себе и *другом* (связанного с реальной или фантазийной сепарацией от *значимого другого*), вместе с репертуаром способов рационально-рефлексивной и смысловой проработки этого опыта, защит и копингов.

Исследование данной проблематики позволяет наметить новые теоретические и методологические подходы в суицидологии, взглянуть на генез и психопрофилактику суицида с точки зрения психологии отношений, а также соотнести феномен суицида и его психологические механизмы с более широким кругом девиантных форм аутодеструктивного поведения, свойственного пациентам с расстройствами личности пограничного уровня. Суицидальное поведение представляет собой сложно организованный симптомокомплекс нарушений личности, включающий изменение отношения к себе и другим, нарушение процессов интрапсихической и межличностной саморегуляции, обусловленной как фактором экзогенной вредности, так и специфическим характером когнитивной организации сознания, аффективно-когнитивным стилем личности. Среди психосоциальных факторов-предикторов суицидального поведения мы придаем решающее значение, во-первых, нарушению эмоциональных связей со *значимыми другими* («потерям»), во-вторых, специфике аффективно-когнитивной организации сознания, ответственной за искажение структурно-динамических характеристик их психической репрезентации, затрудняющих приспособление к актуальным жизненным ситуациям.

Основная **гипотеза** экспериментального исследования: у лиц с суицидальными попытками обнаруживается особый устойчивый паттерн репрезентаций межличностных взаимодействий, отражающий травматический опыт эмоциональных связей со значимым окружением, микроструктурные особенности которого связаны с определенными характеристиками аффективно-когнитивного стиля личности, а именно с эффективностью/дефектом когнитивных операций анализа и синтеза, дифференциации и интеграции.

Характеристика испытуемых. В исследовании приняло участие 100 человек. Экспериментальную группу составили пациенты, совершавшие суицидальные попытки (С-лица), с клиническим диагнозом «рекуррентное депрессивное расстройство», направленные в суицидологический центр МНИИ психиатрии МЗ РФ: 50 человек (28 женщин, 22 мужчины) в возрасте 18—55 лет. В анамнезе: длительные повторяющиеся депрессивные эпизоды, не связанные с психотравмирующей ситуацией, отсутствие продуктивной симптоматики и специфических для более тяжелых расстройств нарушений мышления. В сравнительную группу (контрольную, К-группу) вошли пациенты с диагнозом «рекуррентное депрессивное расстройство» без суицидальных попыток в анамнезе и суи-

цидальных мыслей на момент обследования: 50 человек (19 мужчин и 31 женщина) в возрасте 18—56 лет. Для них характерны длительные депрессивные эпизоды, сопровождающиеся апатией, тоской, снижением активности, потерей интересов, а также комплексом антивитаальных переживаний, не доходящих до суицидальных намерений.

Схема исследования состояла из комплекса проективных методов, включающих в себя полуструктурированную беседу, тест Роршаха, Тематический апперцептивный тест (ТАТ), рисунок несуществующего животного (РНЖ). Для оценки паттерна репрезентации объектных отношений применялись: к данным теста Роршаха — шкалы С. Блатт (Blatt, Auerbach, Levy, 1997) и Дж. Юриста (Urist, 1977); к данным ТАТ — шкала Д. Вестена (Westen, 1990), к данным РНЖ — шкала дифференциации/интеграции Н. Марленс. Достоверность и обоснованность результатов обеспечивалась системой взаимодополняющих диагностических процедур, сочетающих феноменологический и количественный анализ, и комплексом статистических процедур, в который входили сравнительный анализ с применением непараметрических критериев Манна—Уитни и критерия Фишера, анализ корреляционных взаимосвязей с применением непараметрического критерия Спирмена, факторный и кластерный анализ.

Анализ и обсуждение результатов

Анализ экспериментальных данных позволил выделить специфику аффективно-когнитивного стиля репрезентаций объектных отношений у С-лиц. Его отличительными особенностями являются: системное нарушение процессов дифференциации и интеграции репрезентаций, враждебно-деструктивный тон отношений, низкая способность к самостоятельности и равноправному сотрудничеству, доминирование в тематическом содержании репрезентаций эмоционального опыта потери.

В качестве центральных структурных нарушений репрезентаций у С-лиц выступают нарушения процессов дифференциации и интеграции репрезентаций согласно тесту Роршаха (низкие значения показателей по субшкале Блатт «интеграция репрезентаций») и данным ТАТ (низкие значения по субшкалам Вестена «целостность репрезентаций», «согласованность репрезентаций»). Различия между С-лицами и К-группой достоверны по критерию Манна—Уитни при $p < 0.05$. По данным ТАТ, преобладают лаконичные, упрощенные, поляризованные по аффективной окрашенности характеристики персонажей, спутанность социальных ролей и позиций (родительских, родственных, супружеских), нарушение связности репрезентаций объектов во времени, ограниченность временной перспективы настоящим, отсутствие целостной истории жизни. Нарушение интеграции косвенно подтверждается низкими значениями по субшкале Вестена «социальная причинность», отражающей недостаточность эмпатии и трудности установления осмысленной связи между мотивами, эмоциями и поступками других людей, узкоутилитарный под-

ход к пониманию внутреннего мира другого человека, который воспринимается лишенным индивидуальности и самостоятельности.

Эмоциональный компонент репрезентаций представлен враждебным аффективным тоном отношений при дефиците доброжелательных идеализированных связей, что подтверждается низкими значениями по субшкале Блатт «тип отношений» ($p < 0.05$), снижением количества ответов по субшкале Юриста «отзеркаливание» ($p < 0.05$), низкими значениями по субшкале Вестена «аффективный тон отношений», феноменами «виктимности» и «деструкции» ($p < 0.05$). Иными словами, репрезентируемые отношения отличает насыщенность полярными примитивными аффектами ненависти, злости и одновременно отсутствие витальности. Паттерн взаимодействия строится по типу «жертва—агрессор» с преимущественной идентификацией с позицией «жертвы», включает враждебный контроль и грубую деструкцию, предполагает спутанность или повреждение границ *я—другой*, переживание себя и/или значимого другого как «мертвого», «разрушенного», беспомощного. Отношения привязанности отождествляются с отношениями симбиотического телесного слияния и «смешаны» с агрессивно-деструктивным аффектом.

Центральной конфликтной «темой» репрезентаций выступает оппозиция отношений близости/отдаления, поиска/избегания привязанности. Низкие значения по субшкале Вестена «эмоциональные вложения» указывают на отсутствие эмоциональных связей с другими, недостаток личной вовлеченности, пассивность, зависимость, отсутствие активно-исследовательской позиции по отношению к *другому* наряду с выраженным дефицитом опосредованных форм эмоциональных связей, основанных на общности интересов и сотрудничестве, вне зависимости от удовлетворенности непосредственными эмоциональными отношениями.

Таким образом, вырисовывается центральный паттерн репрезентируемых отношений с внутренне противоречащими друг другу оппозициями прилипчивой привязанности и полного безразличия, переживаемый как спонтанно возникающие и чередующиеся противоположные межличностные ожидания и оценки, сопровождающиеся интенсивными разрядами враждебности в ответ на прогнозируемое отвержение, холодность, непостоянство других людей. Высокая интенсивность эмоционального опыта потери создается не только объективными утратами (смертью, разлукой), но и за счет драматически переживаемой утраты эмоциональной близости как в прошлом, так и в настоящем, хронически воспроизводящимся чувством одиночества, оставленности и брошенности при сохранении лишь формальных контактов со значимыми фигурами (подтверждается статистическими различиями между сравниваемыми группами по критерию Манна—Уитни ($U = 549$, $p < 0.001$)). Потеря представляется тотально-невосполнимой; травматичность подобного состояния, его интенсивность, рационально непроработанные в прошлом, продолжают постоянно воспроизводиться невыносимостью безутешно-

го горя и, не находя адекватного выхода в словах, остаются аффектами гнева и отчаяния. Опыт, лишенный когнитивного и символического опосредования, недоступен рефлексивной, рациональной проработке и, следовательно, «детоксикации». Основные механизмы защиты — отрицание (уничтожение) *другого* или идеализация его враждебности и безразличия, что позволяет «расщепить» представления о благополучных отношениях и аффективные переживания пустоты и одиночества. Обесценивание привязанности, безразличие (уход от взаимодействия) и «девитализация» служат той же цели. Репрезентация опыта привязанности как отношений между «неживыми», «мертвыми», «механическими» (т.е. неотзывчивыми, бесчувственными, не способными на эмоциональный контакт) людьми защищает от безысходности потери и одиночества, отсутствия человеческой близости, от невыносимости слишком противоречивых чувств любви и ненависти. Таким образом, паттерн репрезентации отношений у С-лиц отмечен рядом структурных, аффективных и тематических особенностей: недостатком интеграции и дифференциации; преобладанием враждебности, доминированием эмоционального опыта потери, регулируемого с помощью примитивных механизмов расщепления, отрицания, «девитализации», идентификации с позицией «жертвы»; травматической темой «прилипчивая привязанность—безразличие» в содержании репрезентаций.

Аффективно-когнитивный стиль репрезентаций объектных отношений у пациентов К-группы отличается в первую очередь по структурным характеристикам и эмоциональной составляющей репрезентаций. Анализ структурных аспектов выявляет более высокий, чем у С-лиц, уровень интеграции и дифференцированности репрезентаций. В представлении о себе в межличностных отношениях диапазон приписываемых качеств шире, репрезентации менее интенсивно аффективно окрашены, имеют более обобщенный характер с одновременным наличием детализаций, разнообразием описаний родительских фигур, что косвенно указывает на большую когнитивную сложность (объемность, многомерность) и интегрированность субъективной картины человеческих отношений.

Эмоциональные аспекты репрезентаций связаны в первую очередь с меньшей насыщенностью отношений агрессией и большей — аффектами симпатии, эмоциональной близости. «Садомазохистский» паттерн отношений служит не разрушению отношений, а установлению четких границ *я—другой*; он в большей степени социально опосредован конвенциональными формами выражения агрессии, направленной на отстаивание границ *я*, достижение сепарации либо удержание *другого* в отношениях зависимости. Благодаря хотя бы частичной экспрессии агрессивных чувств сохраняется возможность эмоциональной близости, что находит отражение в возрастающей толерантности к собственной амбивалентности в адрес значимых других.

Основные темы представлены паттерном амбивалентных отношений зависимости-автономии, а также контроля, власти, собственной успешности. Эмоциональный опыт разлуки (но не потери) допускает возможность возобновления отношений привязанности, сохранение эмоциональной связи с *другим* в ситуации его физического отсутствия. Механизмы преодоления эмоционального опыта потери наряду с отрицанием и обесцениванием включают попытки восстановления утраченных отношений, однако исключительно путем «удержания» *другого* в зависимости.

Анализ защитных механизмов позволяет выделить особенности взаимодействия аффективных и когнитивных компонентов репрезентаций, степень развития способности к произвольному контролю аффекта и, следовательно, способности к более точному и адекватному восприятию себя и других в межличностных взаимодействиях. Для обеих сравниваемых групп характерно снижение эффективности социального и внутреннего рационального контроля, дефицит копинговых механизмов, трудности дистанцирования от эмоционального опыта. Вместе с тем у С-лиц значительно более выражены импульсивность и низкая толерантность к фрустрации потребности в привязанности, переживания одиночества и беспомощности, на что указывает увеличение использования детерминант недифференцированной светотени в перцептивных образах, согласно ответам в тесте Роршаха ($p < 0.05$). Стиль саморегуляции определяется паттерном примитивных защит расщепления, отрицания, отреагирования в саморазрушительных действиях и проективной идентификации ($p < 0.05$) при дефиците механизмов более высокого уровня (инфантилизации, символизации вытесненного, проекции, $p < 0.05$), неспособным предотвратить разрушение границ *я—другой* аффективными разрядами гнева. Возрастание доброжелательности и близости во взаимодействии с *другим* парадоксально ведет к нарастанию дезинтеграции *я* (увеличивается доля механизма фрагментации, различия достоверны по критерию Вилкоксона) и обесцениванию межличностных связей.

Защитный стиль в К-группе, несмотря на присутствие защит примитивного уровня (расщепления, обесценивания, идеализации и отрицания), включает защиты, связанные с более четкими границами *я—другой*, с большей когнитивной опосредованностью, — инфантилизацию, символизацию вытесненного и проекцию. Образ *я*, строящийся по типу «маленького и хорошего», обеспечивает контроль не только агрессивного аффекта, но и сексуальных желаний, способствует увеличению диапазона используемых зрелых защитных механизмов (проекция, рационализации, различия достоверны по критерию Вилкоксона), позволяет более доброжелательно воспринимать взаимодействия с *другим*.

По данным корреляционного анализа низкий уровень когнитивной дифференцированности сочетается со структурными нарушениями в виде затруднения в обобщении и синтезе частных репрезентаций во внутренне связную (а не диффузную) и целостную картину отношений. «Ког-

нитивная простота» не позволяет видеть сложность, многогранность, иногда противоречивость и индивидуальность в отношениях *я—другой*. Подобный когнитивный механизм лежит в основе необоснованных атрибуций черт, обуславливает ошибочные и тенденциозные репрезентации себя и других. Наибольшая согласованность и целостность репрезентаций соответствует средним показателям уровня когнитивной дифференцированности, что не встречается в группе С-лиц. Типичному для С-лиц снижению уровня когнитивной дифференцированности также сопутствуют эмоциональные особенности репрезентаций, а именно их насыщенность агрессивно-деструктивными чувствами, эмоциональным опытом потери, пассивно-жертвенной позицией в примитивно-симбиотических чувственно-телесных связях с *другим*. Такой репрезентативный паттерн отношений высоко коррелирует с примитивными защитными механизмами.

Более высокая степень дифференциации и интеграции репрезентаций объектов в К-группе предполагает тенденцию к комплексному, целостному, разностороннему и непротиворечивому восприятию себя и другого человека. Она связана также с проявлением активности в отношениях, включением их в более широкий социальный контекст, способностью к сотрудничеству, восприятием отношений как доброжелательных. Защитные механизмы позволяют рационально контролировать негативные аффективные состояния, в том числе реакции на сепарацию, сохраняя символическую связь с *другим* даже при его физическом отсутствии путем вербализации и осознания чувства печали в ответ на разлуку.

Факторный анализ выявил четыре фактора, достоверно различающих сравниваемые группы: 1) «примитивные защитные механизмы», направленные на контроль агрессии; 2) «эмоциональные вложения в отношения», отражающие баланс между стремлением к общности, способностью к сотрудничеству и одновременным признанием взаимной автономии, ценности и индивидуальности *я* и *другого*; 3) «когнитивная дифференцированность»; 4) «дефицит интеграции», отражающий как недостаток интрапсихической связности и последовательности в целом, так и слабость эмоциональных связей со значимым другим. В целом все переменные группируются в два класса. Первый включает примитивные защитные механизмы, снижение интеграции репрезентаций, враждебность, диффузную агрессию и деструктивность в отношениях, высокую интенсивность эмоционального опыта потери, суицидальный и депрессивный индексы. Второй класс переменных содержит более зрелые защитные механизмы, высокую артикулированность и когнитивную дифференцированность, доброжелательные отношения, когнитивно опосредованные формы выражения агрессии и привязанности, восприятие сепарации со значимым другим как разлуки, а не потери. Результаты факторного анализа, таким образом, позволяют сделать вывод о двух уровнях функционирования репрезентаций объектных отношений. В

качестве центральных структурных характеристик репрезентаций более примитивного уровня выступает недостаточная дифференцированность и интегрированность, в то время как их важнейшими качественными характеристиками являются враждебно-деструктивный аффективный тон, доминирование интенсивного эмоционального опыта потери, плохо регулируемого посредством примитивных защитных механизмов. Второй (относительно более зрелый) уровень репрезентаций связан с высоким уровнем дифференциации и интеграции по структуре, доступности доброжелательных отношений, не вызывающих страха поглощения *я* при сокращении межличностной дистанции.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно говорить о следующих закономерностях. Уровень когнитивной дифференцированности как параметр общего аффективно-когнитивного стиля личности отражает механизмы взаимодействия между импульсивными, сенсомоторными, аффективно-чувственными процессами, с одной стороны, и познавательными, рационально-рефлексивными процессами, с другой. Для С-лиц с преимущественно низким уровнем когнитивной дифференцированности характерна организация внутреннего опыта межличностного взаимодействия с ограниченной доступностью способов рациональной переработки аффективного опыта потери, дефицитом внутренней согласованности, целостности репрезентаций, недостатком способности к восприятию людей в их многогранности и индивидуальной неповторимости. Недифференцированный когнитивный стиль определяет нарушение интеграции и дифференциации репрезентаций во всех видах интрапсихического и интересубъективного функционирования: между аффективными и когнитивными процессами, между противоречивыми аффективными состояниями любви-ненависти, между конкретными представлениями о себе и других, проявляется отсутствием способности к установлению удовлетворяющих близких связей. Он оказывает влияние и на эмоциональные аспекты репрезентаций, активируя архаические аффективно-чувственные, связанные с телесно-сенсорным опытом компоненты. Насыщенность отношений деструктивно-агрессивными аффектами сопровождается трудностями их вербализации и рефлексии, недостаточным различением самих аффективных состояний, спутанностью агрессивных и любовных аффектов. Доминирование телесного компонента самосознания, тяготение преимущественно к соматизированному языку внутренней и внешней коммуникации в качестве доступных способов установления и сохранения эмоциональной связи (что сигнализирует о хроническом телесно-эмоциональном голоде), возможно, обусловлено регрессией на самый первичный уровень функционирования — примитивной садомазохистской зависимости с переплетением влечений любви и ненависти. К тому же телесность бессознательно воспринимается преимущественно в качестве вместилища «плохого», «разрушенного» и «ис-

порченного», выступает символом расщепленных переживаний и одновременно — единственным реально существующим «объектом» в мире одиночества и пустоты.

Нарушение процессов дифференциации в сфере отношений ведет к трудностям различения актуального и прошлого неблагоприятного эмоционального опыта («там и тогда»). Вследствие недостаточной когнитивной и символической опосредованности и переработки эмоционального опыта отношения остаются «токсичными», насыщенными преимущественно примитивными аффектами любви и ненависти. Это постоянно нарушает интеграцию из-за доминирования и воспроизведения специфических травматических «тем» в межличностном взаимодействии. *Другой* навязчиво воспринимается либо как недоступный, неотзывчивый, отвергающий, утраченный, либо как враждебный, «разрушающий», но одновременно «нужный и любимый». Тактики коммуникации парадоксально противоречат друг другу: в одно и то же время они направляются и на насильственное удержание партнера в состоянии симбиотической эмоциональной связи, где непременно должна сохраняться иллюзия абсолютной двойниковой похожести, тождественности, неразличимости («одно тело, одна душа, один пол на двоих»), и на уход из любых отношений. Реальность, грубо разрушающая мечту о полном слиянии или не дающая полного ее удовлетворения, заставляет обесценивать контакты и вообще избегать их какое-то время. Затем вновь возобновляется порочный круг: нерелексированная, импульсивная тяга к *другому*, принципиально «ненасыщаемая» из-за постоянно ожидаемого повторения опыта потери, заставляет «цепляться» за любую возможность новой эмоциональной связи (феномен эмоционального промискуитета), но скоро сталкивается с очередным разочарованием и провоцирует уход. В свою очередь уход от контактов с другим человеком рождает чувство «омертвелости», «пустоты», «механистичности» жизни.

Таким образом, мы обнаруживаем два влияющих друг на друга фактора (когнитивный и аффективный) искажения и дестабилизации репрезентативного паттерна отношений *я—другой* в актуальном социальном опыте. Когнитивная недифференцированность ограничивает инструментальное оснащение, доступность средств и способов анализа, в силу чего текущий опыт оказывается слитым, смешанным с прошлым эмоциональным опытом травм и потерь. Интенсивные полярные аффекты «затопляют» ментальное пространство, а недостаток рациональных и символических средств психологической защиты и копинга в свою очередь сказывается на способности «связывать» и «вмещать» непереносимые состояния фрустрации в отношениях привязанности. Порочный круг деструктивности воспроизводится вновь и вновь. В данном контексте попытка суицида может быть понята как вынужденная и примитивная импульсивная моторная разрядка, парадоксальным образом порождающая иллюзию восстановления утраченного чувства жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности. Актуальные проблемы суицидологии / Под ред. А. Портнова. М., 1978.

Бардышевская М.К. Компенсаторные формы поведения у детей 3—6 лет, воспитывающихся в условиях детского дома: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.

Боулби Дж. Привязанность. М., 2003.

Винникотт Д.В. Использование объекта // Антология современного психоанализа: В 3 т. Т. 1. М., 2000.

Винникотт Д.В. Игра и реальность. М., 2002.

Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. Т. 1. М., 1998.

Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности. М., 1998.

Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. М., 2000.

Кляйн М. Зависть и благодарность. СПб., 1997.

Первин Д.О. Самоубийство и враждебность // Психология личности. Теория и исследования. М., 2000.

Соколова Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М., 1976.

Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.

Соколова Е.Т. Особенности личности при пограничных расстройствах // Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах личности и соматических заболеваниях. Ч. 1. М., 1995.

Соколова Е.Т. Работа психотерапевта с отдельным случаем посттравматического стресса у жертвы семейного насилия // Психологическая помощь пострадавшим от семейного насилия: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. М., 2000.

Соколова Е.Т. Человек-нарцисс: портрет в современном социокультурном контексте // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А. Журавлева, Н. Тарабриной. М., 2003.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К изучению «диффузной» гендерной идентичности при пограничной личностной организации: теоретический анализ проблемы // Вопр. психол. 2001. № 6.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. Связь феномена диффузной гендерной идентичности с когнитивным стилем личности // Вопр. психол. 2002. № 3.

Соколова Е.Т., Ильина С.В. Роль эмоционального опыта жертв насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 5.

Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Проблема суицида: клиничко-психологический ракурс // Вопр. психол. 2006 а. № 2.

Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Связь психологических механизмов защиты с аффективно-когнитивным стилем личности у пациентов с повторными суицидальными попытками // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2006 б. № 2.

Соколова Е.Т., Чельчицкая Е.П. Психология нарциссизма. М., 2001.

Фонаги П. Точки соприкосновения и расхождения между психоанализом и теорией привязанности // Журн. практ. психол. и психоан. 2002. № 1.

Adam K.S., Sheldon-Keller A.E., West M. Attachment organization and history of suicidal behavior in clinical adolescents // J. of Consult. and Clin. Psychol. 1996. Vol. 64. № 2.

Ainsworth M.D. Attachment as related to Mother-infant interaction // Advances in the Study of Behavior. 1979. Vol. 4.

Allen J.P., Land D. Attachment in Adolescents // Handbook of attachment theory research and clinical application. N.Y., 1999.

Bartholomew K., Horowitz L. Attachment styles among young adults: A test of four category model // J. of Person. and Soc. Psychol. 1991. Vol. 61.

Beautrais A.L., Joyce P.R., Mulder R.T. Personality traits and cognitive styles as risk factors for serious suicide attempts among young people // *Suicide Life Threat Behav.* 1999. Vol. 29. № 1.

Bion W. «Attaks on Linking» // *Bion W. Second Thoughts.* N.Y., 1967.

Blais M.A., Hilsenroth M.J. Content validity of the DSM-4. Borderline and Narcissistic personality disorder criteria sets // *Comprehen. Psychiatry.* 1997. Jan—Feb.

Blatt S. The destructiveness of perfectionism // *Amer. Psychologist.* 1995. Vol. 50. № 12.

Blatt S., Auerbach J., Levy K. Mental representations in personality development, psychopathology and the therapeutic process // *Rev. of General Psychol.* 1997. Vol. 1. № 4.

Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 2: Separation Anxiety and Anger. Pimlico, 1998.

Fine M.A., Sansone R.A. Dilemmas in the management of suicidal behavior in individuals with borderline disorder // *Amer. J. of Psychotherapy.* 1990. Vol. 2.

Fonagy P. Attachment and borderline personality disorder // *JAPA.* 2000. Vol. 48. № 4.

Fowler J.K., Hilsenroth M.J., Piers C. An empirical study of seriously disturbed suicidal patients // *JAPA.* 2001. Vol. 49. № 1.

Grossman W. Hierarchies, boundaries, and representation in a freudian model of mental organization // *JAPA.* 1992. Vol. 40.

Gunderson J. The borderline patient's intolerance of aloneness: insecure attachments and therapist availability // *Amer. J. of Psychiatry.* 1996. Vol. 153.

Gunderson J. Borderline personality disorder. A clinical guide. Washington, DC, 2001.

Horowitz L. Schemas, psychopathology, and psychotherapy research // *Psychother. Res.* 1994. № 4.

Kaslow N.J., Reviere S.L., Chance S.E. et al. An empirical study of the psychodynamics of suicide // *JAPA.* 1998. Vol. 46. № 3.

Kernberg O.F. Suicidal behavior in borderline patients: diagnosis and psychotherapeutic considerations // *Am. J. Psychother.* 1993. Vol. 47. № 2.

Kernberg O.J. The suicidal risk in severe personality disorders: differential diagnosis and treatment // *Personal. Disord.* 2001. Vol. 15. № 3.

Kjellander C., Bonar B., King A. Suicidality in borderline personality disorder // *Crisis.* 1998. Vol. 19. № 3.

Levy K.N., Blatt S.J., Shaver P. Attachment styles and parental representation // *J. of Person. and Soc. Psychol.* 1998. Vol. 74.

Luborsky L., Crits-Christoph P., Mellon J. Advent of objective measures of the transference concept // *J. of Consult. and Clin. Psychol.* 1986. Vol. 54.

Main M. Meta-cognitive knowledge, meta-cognitive monitoring and singular (coherent) vs. multipal (incoherent) models of attachment: findings and direction for future research // *Attachment across life cycle* / Ed. by P. Marris, J. Stevenson-Hinde, C. Parkes. N.Y., 1991.

Psychodynamic Treatment Research. A Handbook for Clinical Practice / Ed. by L. Luborsky et al. Harper Collins Publishers, 1993.

Simpson J.A. Influence of attachment styles on romantic relationships // *J. of Person. and Soc. Psychol.* 1990. Vol. 59. № 5.

Stone M. Paradoxes in management of suicidality in borderline patients // *Amer. J. of Psychother.* 1993. Vol. 47, Spring.

Urist J. The Rorschach test and the assessment of object relations // *J. of Person. Assessment.* 1977. Vol. 41.

Westen D. Object relations and social cognition in borderlines, major depressives, and normals: a thematic apperception test analysis // *J. of Consult. and Clin. Psychol.* 1990. Vol. 2.

Поступила в редакцию
21.04.06